

*Пол Готфрид
Палеоконсерваторы: правые изгои Америки*

*Б.В. Межуев
Господин палеокон. Послесловие к статье Пола Готфрида
«Палеоконсерваторы: правые изгои Америки»*

*И.В. Денисов, А.В. Павлов
Политическое либертарианство*

*А.В. Павлов
Основания неоконсерватизма*

*Д.О. Дробницкий
Движение Чаепития: американский правый консерватизм
в информационную эпоху*

*К.В. Аршин
«Религиозные правые» Америки: безуспешные «десекуляризаторы»*

Палеоконсерваторы: правые изгои Америки

Описывать палеоконсервативное движение в США – это все равно что вспоминать маленькую протестантскую секту баптистов седьмого дня в Пенсильвании, последний член которой угас в возрасте девяноста восьми лет накануне вступления Америки во Вторую мировую войну.

Палеоконсерваторы пребывают ныне, пожалуй, в таком же исчезающем статусе, в каком потомки баптистов седьмого дня, жившие по большей части в моих родных местах, находились в начале двадцатого столетия. Нас за последние тридцать лет тоже стало значительно меньше, и большинство тех, кто отождествляет себя с палеоконсерватизмом, уже разменяли, подобно мне, восьмой десяток. Мы, пожилые граждане, не можем поладить даже друг с другом, так что бравадный публицист Пэт Бьюкенен и редактор критически настроенного по отношению к иммигрантам веб-сайта VDARE Питер Бримлоу – это, возможно, единственные в раздробленном палеоконсервативном лагере, с кем все враждующие фракции сохраняют хорошие отношения.

Неуклонно слабеющие позиции палеоконсерватизма, однако, обусловлены по большей части не этой распрей. Наше съезживание – это, возможно, результат усиливающейся фрустрации, вызванной выдавливанием нас из публичного политического диалога. К 1990-м годам вторгшиеся слева неоконсерваторы с их деньгами и связями в СМИ захватили, в союзе с республиканским истеблишментом, институты американского консерватизма. Те, кто не принял последовавшей за этим реконфигурации правого крыла американской политики (что сделало его выглядящим в точности как умеренно левое крыло двадцатилетней давности), полностью утратил какие-либо позиции в правом движении. И выразилось это не только в том, что несогласных перестали приглашать к участию в полномочных собраниях консервативного движения и исключили из его публикаций.

Торжествующие неоконсерваторы и их прислужники (а к таковым относится большинство сотрудников консервативных фондов и журналов), занялись еще и шельмованием правой оппозиции, будь то в виде поношения ее представителей как правых экстремистов или же советов престижным печатным изданиям не публиковать их работы. Хотя мне лично удалось опубликовать одиннадцать научных книг, все в уважаемых академических и коммерческих издательствах, однако ни одна из этих работ никогда не была упомянута

Пол Эдвард Готфрид (род. 1941), американский политический философ-палеоконсерватор, филолог-классик, исследователь интеллектуальной истории и колумнист. Ранее занимал пост профессора гуманитарных наук (Раффенспергерская профессура) в колледже города Элизабетаун, штат Пенсильвания. Лауреат Гугенхаймовской стипендии; в настоящее время – президент Менкенского клуба, названного так в честь американского журналиста, писателя и филолога Генри Луиса Менкена.

в каком-либо «консервативном» журнале – по крайней мере после того, как неоконсерваторы захватили консервативную инфраструктуру. Последнее упоминание моего имени в официальном консервативном журнале (то есть журнале, связанном с продвижением неоконсервативных взглядов) имело место быть в 2003 году в “National Review”. Тогда я был охарактеризован как галлюцинирующий параноик, который почти что в отсутствие студентов читает лекции в каком-то неведомом колледже. Хотя мою книгу о Лео Штраусе издательство Кембриджского университета в конце концов все-таки опубликовало¹, произошло это лишь после того, как ее рукопись была в ускоренном порядке отвергнута издательством моей альма-матер, Йельского университета. Директор этого издательства вернул мне текст после того, как получил письмо от неназванного «ученого», который атаковал меня, называя ментально неуравновешенным. Нелюбезное письмо, которое мне показали, повторяло обвинения, появлявшиеся в “National Review”. Письмо это также заставило меня вспомнить о тех обвинениях, которые я выслушал в свой адрес по телефону в 1987 году при рассмотрении моей кандидатуры на почетное профессорство в Католическом университете Америки.

Неоконсервативные крестовые походы против палеоконсерваторов всегда сопровождаются теми же нападками, которые выводят из себя и заставляют кипеть от ненависти тех, кто противостоит «деликатному» и «умеренному» консерватизму. И то обращение, которому подвергся я, было, наверное, еще мягким для тех, кого преследовали неоконсерваторы. Почти каждый признанный палеоконсерватор, живой или мертвый, мог бы рассказать жуткую историю, подобную моей. Отдельные претензии, которые неоконсерваторы и другие связанные с медиаимперией Руперта Мердока персонажи высказывали Дональду Трампу, кандидату в президенты США от Великой старой партии – а его неоконсерваторы не желают видеть участником президентской гонки, – на самом деле представляют собой полнейшее старье. Обвинения такого типа неоконсервативная *номенклатура* [русский термин в оригинале – *Примеч. перев.*] предъявляла своим оппонентам справа на протяжении десятилетий.

В запаснике, из которого неоконсерваторы выуживают свою риторику и становящиеся цитатами фразы, нет ничего, что по своей сути не было бы левым. Исключением здесь может быть разве что поддержка неоконсерваторами и республиканским истеблишментом сионистов и израильских правых. Но даже эта позиция не имеет ничего общего с подлинными взглядами американских или европейских правых (и это отнюдь не пресловутый спор о сравнительных преимуществах шоколадного и ванильного мороженого). В этой их предвзятости на самом деле проявляются этнические чувства, которые неоконсерваторы со своей лидирующей позицией привнесли в американское консервативное движение – в том числе в качестве советников республиканских президентов. Любые внушенные ими этнические симпатии или антипатии и предрассудки стали составной частью движения, которое неоконсерваторы стали контролировать. Критики живо подметили, что хотя неоконсерваторы выступают за неограниченную иммиграцию в США и амнистию для всех уже находящихся в стране нелегалов, этот подход меняется, когда речь заходит о сохранении этнически еврейского характера Израиля.

Неоконсервативные публицисты и медиаперсонажи, в особенности Джордж Уилл и Билл Кристал, по-домашнему отождествляют свой «консерватизм» с тем идейным комплексом, который приемлем для истеблишмента. Но поскольку центр американского политического спектра, особенно по всем вопро-

¹ *Gottfried P.E. Leo Strauss and the Conservative Movement in America. N.Y.: Cambridge University Press, 2012. [Ссылка добавлена переводчиком.]*

сам общественной морали, десятилетиями смещался влево, такое отвращение к «несистемным» правым едва ли может служить показателем консервативной ориентации. Оно свидетельствует о готовности следовать за левацким потоком в обмен на двухпартийную поддержку неоконсервативной внешней политики. Неоконсерваторы могут легко уживаться с расположенным левее центра правительством (видные неоконсерваторы, включая Мердока, были близки Хиллари Клинтон в ее президентской кампании 2008 года), коль скоро оно поддерживает неоконсервативное направление в международных отношениях. Неоконсервативный тяжеловес Билл Кристол уже уведомил республиканцев о том, что он поддержит кандидата в президенты от Демократической партии, если не сумеет выбрать удовлетворяющего его движение кандидата-республиканца.

К их чести, палеоконсерваторы в течение нескольких десятилетий защищали перед лицом профессиональных угроз то, что осталось от настоящего правого движения. Традиционные правые с подозрением относились к курсу, который движение за гражданские права выбрало уже в 1960-х годах, и они последовательно противостояли феминистским и гомосексуальным кампаниям со своим мощным, но в общем игнорируемым арсеналом аргументов. Палеоконсерваторы выступили против либеральной интернационалистской внешней политики, поддерживаемой неоконсерваторами и, шире, Республиканской партией. Критики справа сопротивлялись такому подходу, поскольку испытывали глубокий скептицизм по отношению к тому, что Э. Бёрк когда-то высмеивал как «вооруженную доктрину» глобальных революционеров. Палеоконсерваторы также подчеркивали сходство между нынешним призывом к мировой революции и марксистским интернационалистским видением. Настоящие правые (если я могу использовать это выражение) полностью отвергают любые призывы фальшивых правых к глобальной демократической революции. Они оспаривают ту точку зрения, согласно которой наша преобразованная Америка являет миру такое возвышенное состояние моральной просвещенности, которое дает нам право впахивать наши прогрессивные ценности в сознание тех, кто этому сопротивляется.

В отличие от неоконсерваторов и представителей интересов корпораций, которые финансируют Великую старую партию, все палеоконсерваторы выступают за ограничение иммиграции, возражают против предоставления гражданства по праву рождения [на территории США – *Примеч. перев.*] и подчеркивают сложность интеграции в американское общество выходцев из очень отличных от нашей культур. Они также настаивают на том, что пока Соединенные Штаты не излечились от своей разрушительной приверженности мультикультурализму и политкорректности, мы не должны даже и пытаться «американизировать» большее количество иммигрантов или внушать наши собственные заблуждения тем из них, которые уже здесь находятся. Однако разница между двумя сторонами консерватизма лежит еще глубже. В то время как неоконсерваторы считают, что весь остальной мир отчаянно нуждается в том, во что превратилась поздняя современная Америка, палеоконсерваторы, напротив, тоскуют по былым временам, когда мы еще не стали левацко-неоконсервативным раем.

Между двумя этими видениями Америки проходит отчетливая разделительная линия. Одна сторона считает, что тому лучшему, что есть в американском опыте, в нынешнюю эпоху пришло время уходить, тогда как другая полагает, что наша страна политически, культурно и социально сошла с рельсов и ищет, по большей части в прошлом, пути, которые в свое время не были выбраны. Типичные неоконсервативные герои – это Мартин Лютер Кинг, Гарри Трумэн, тот Черчилль, который сражался с ненавистными (для неоконсерваторов) немцами во Второй мировой войне, и Авраам Линкольн, предтеча послевоенного движения за гражданские права. В число героев палеоконсерваторов входят дово-

енный [имеется в виду Гражданская война 1861–1865 годов в США – *Примеч. перев.*] политический деятель Юга Джон К. Кэлхун, сторонник ограничения и распределения федеральной власти сенатор Роберт Тафт, ученый-гуманитарий и писатель Рассел Кирк, социолог-теоретик Роберт Нисбет и «южные аграрии» (Southern Agrarians) – критики современного индустриального общества.

Хотя иногда можно услышать палеоконсерватора, говорящего что-то хорошее о Рональде Рейгане или Маргарет Тэтчер, однако эти политические фигуры должны восхваляться скорее неоконсерваторами, которых восхищают их глобальная демократическая риторика и либеральная интернационалистская внешняя политика. Неутихающая вражда между двумя сторонами продолжилась в первый год рейгановской администрации, когда почитаемый палеоконсервативный ученый-литературовед Мелвин Брэдфорд был обойден при назначении директора Национального фонда гуманитарных наук (National Endowment for the Humanities). Этот пост достался избраннику неоконсерваторов Уильяму Беннету, выходцу из числа умеренных левых, после продолжительной клеветнической кампании, предпринятой неоконсервативными журналистами. Негативные высказывания Брэдфорда в адрес Авраама Линкольна и его хорошо известная симпатия к конфедератам (за которых сражались его предки) упоминались Ирвингом Кристолом, Джорджем Уиллом и другими авторами, тесно связанными с неоконсервативным лагерем, с целью представить Брэдфорда (кем же еще?) расистом.

Наряду с ресурсами, палеоконсерватизм утратил и сплоченность, но это движение было скорее вытеснено, чем полностью искоренено. В 1990-х годах предпринимались усилия к тому, чтобы выковать альянс между палеоконсерваторами и социальными традиционалистами-либертарианцами (socially traditionalist libertarians), известными в то время как палеолибертарианцы. Объединяющей фигурой при этом выступал экономист и политолог Мюррей Ротбард, который перед лицом набирающего силы неоконсерватизма пытался выстроить мосты к традиционалистским группам. Однако после смерти Ротбарда в январе 1995 года эти мосты обвалились по причине склоки между двумя лагерями, и всерьез это мостостроительство так никогда возобновлено и не было. Более того, палеолибертарианцы и их собеседники разошлись в разные стороны, одни почти исключительно обратившись на обсуждение экономических вопросов, а также того, как избежать вовлеченности в заграничные проблемы, тогда как их бывшие партнеры по переговорам в Рокфордовском институте и на страницах журнала “Chronicles” продолжают подстраиваться под меняющийся энтузиазм главы этого института. Выступления в защиту сепаратизма Юга в 1861 году, сербский и панславянский консерватизм и воинствующий (часто подчеркнуто антипротестанский) католический традиционализм – все это входит в ту причудливую смесь позиций, с которыми читатель сталкивается в “Chronicles”.

Часть представителей палеоконсервативного лагеря побрели в сторону того, что получило название политики идентичности, и это направление оказалось более значимым. «Нарушившие строй правые» (the “disaligned Right”) в США выборочно присвоили себе палеоконсервативные тревоги и вставили их в собственную идеологическую конфигурацию. Уже в 1986 году, как я указывал в написанном мною в то время эссе для журнала “Policy Review”¹, главным объектом интереса молодых правых воителей в их битве против неоконсервативного господства стала социобиология. Поддержка национальной и культурной особенности в противовес неоконсервативному прославлению прав

¹ *Gottfried P. Toward a New Fusionism? The Old Right Makes New Alliances // Policy Review. Vol. 42 (Fall, 1987). P. 64–71. [Ссылка добавлена переводчиком.]*

человека и эгалитарной политики привела по крайней мере часть палеоконсерваторов к подчеркиванию врожденных, биологически укорененных различий между разными этническими группами. Сходные аргументы выдвигались также против правительственной социальной инженерии, которая, как утверждалось, представляла собой попытку изменить человеческую природу посредством политического принуждения. С 1980-х годов, однако, такой акцент у большинства теперь уже не столь молодых палеоконсерваторов прошел. Случилось это главным образом по причине обостряющейся войны левых против любых дискуссий относительно человеческой природы, которые не концентрируются на той точке зрения, согласно которой все люди по своей природе везде одинаковы. Любое отклонение от этого мифа, говорили нам, приведет к реакционному подавлению и к постановке под угрозу меньшинств; и поэтому, как получалось со слов наших элит, будет справедливым считать, что те, кто поднимают запретные темы, должны профессионально и социально караться. Наши глаза и уши должны быть защищены от сеющих распри опасных идей.

Но некоторые из американских правых подняли социобиологические проблемы, оказавшиеся все-таки слишком твердыми для зубов их левацких гонителей. И сделано это было не только для того, чтобы шокировать легко запугиваемую публику или поиздеваться над ней (хотя этот фактор здесь тоже мог присутствовать), но и потому, что среди молодых членов того движения, которое именовало себя «жесткие правые» (“hard Right”), стали очень популярными апелляция к генетическим различиям и предъявление данных IQ, свидетельствующих, что расы различаются по уровню интеллекта. Разговоры о сохранении культурного наследия или унаследованных иерархий среди американцев определенного возраста особого отклика не находят. Но вот публикация конкретных, эмпирически выявленных «фактов» – это другое дело. Это такой аргумент, который молодежь, получившая хотя бы малую толику гуманистического образования, может легко воспринять. Если группы с различными генофондами привносят с собой некие «идентичности», то для того, кто стремится сохранить свою специфику, даже мало чего зная о той цивилизации, которая до недавнего времени была с этой спецификой связана, демонстрация того, что его группа когнитивно более одарена или менее склонна к насилию по сравнению с другими расами или этническими группами, причем выполненная на основе статистики, кажется хорошим началом.

Несмотря на то, что это не моя забота (я, пожалуй, слишком стар для того, чтобы менять свои палеоконсервативные цвета), некоторые носители таких убеждений атакуют левых и неоконсерваторов с бесстрашной решимостью. А еще они упорно преследуют сторонников расширения иммиграции и изобличают усилия крупных корпораций по наводнению этой страны необразованной рабочей силой из стран третьего мира. Даже изолированные и поносимые как «консервативными», так и обычными левацкими медиа, те, кто продвигает «био-разнообразие» справа, как им нравится это называть, не могут быть убраны со сцены посредством остракизма и запугивания. К настоящему времени их риторика просочилась в колонки Энн Коултер, Пэта Бьюкенена и других синдицированных колумнистов. При всех их преувеличениях, проявлениях нескромности и отсутствии интереса к тому, что интересно мне, эти в основном молодые люди, сосредоточенные на врожденных человеческих различиях, представляют собой подлинно правое движение. Однако излишне говорить, что я не стал бы делать ставку на их скорый приход к власти. И я сомневаюсь, что эти энтузиасты смогут получить финансирование от неоконсерваторов или доступ к медиа на каком-нибудь республиканском канале.

Аннотация. В эссе рассматривается противостояние двух направлений в американском консерватизме, а именно, доминирующего с начала 1990-х годов неоконсерватизма, располагающего большими деньгами, связями и влиянием в республиканском истеблишменте, и гонимого им палеоконсерватизма. Риторика и практики неоконсерваторов, по оценке автора, являются по сути своей левыми, что в особенности проявляется в их призывах к глобальной демократической революции, а также в позиции по отношению к иммиграции и традиционным моральным ценностям. Более того, по мнению автора, в то время как неоконсерваторы считают, что весь остальной мир отчаянно нуждается в том, во что превратилась поздняя современная Америка, палеоконсерваторы, напротив, тоскуют по былым временам, когда она еще не стала левацко-неоконсервативным раем.

Автор кратко рассматривает также попытки палеоконсерваторов предложить новые альтернативы неоконсервативной политической философии, в частности, неудачный палеолибертарианский проект начала 1990-х годов и более поздние идентитарянство и социобиологию.

Ключевые слова: палеоконсерватизм, неоконсерватизм, внешняя политика, иммиграция, критика мультикультурализма и политкорректности, идентитарянство, социобиология, «жесткие правые», Мюррей Ротбард, Пэт Бьюкенен.

Paul Edward Gottfried (b. 1941), American paleoconservative political philosopher, intellectual historian, classical philologist, columnist and former Horace Raffensperger Professor of Humanities at Elizabethtown College in Elizabethtown, Pennsylvania, Guggenheim Fellowship recipient, current H. L. Mencken Club President.

Paleoconservatives: Right Pariahs of America

Abstract. The essay considers the nature of the opposition between two trends of American conservatism, namely, between the dominating since the early 1990s neoconservatives having money, contacts and influence in the Republican establishment, and paleoconservatives driven out by the former. According to the author the rhetoric and practices of neoconservatives are essentially radical, and that especially manifests in their call for a global democratic revolution and their attitude toward immigration and traditional moral values. Moreover, whereas the neoconservatives consider that the rest of the world desperately needs to follow in the steps of modern America, paleoconservatives by contrast long for the old days, before the country has turned into an ultra-left neoconservative paradise.

The author also briefly discusses paleoconservatives' attempts to offer new alternatives to neoconservative political philosophy, in particular, the ill-fated paleolibertarian project of the early 1990s and later identitarian politics and sociobiology.

Keywords: Paleoconservatism, Neoconservatism, Foreign Policy, Immigration, Criticism of Multiculturalism and Political Correctness, Identitarian Politics, Sociobiology, the Hard Right, Murray Rothbard, Pat Buchanan.

Перевод с английского П.Б. Паршина